

«вмещающий ландшафт» — давно уже не лес и не степь, а ландшафт большого города. Эти народы так же нарушают стройность авторской концепции, как и народы диаспоры, — не в этом ли причина досады теоретика на них? Только возврат в мир деревень, замков и небольших городов, из ворот которых горожане каждое утро выгоняют на общинный луг своих гусей и свиней, мог бы удовлетворить этих теоретиков. Но такой мир не прокормил бы и десятую часть нынешнего населения планеты, возврат в него невозможен без геноцида. Так чего же добиваются эти «патриоты»?

Да, в нынешней России русских всего около 80 млн. — меньше, чем по последней союзной переписи. Но не забудем, что к началу промышленного переворота вся Россия насчитывала что-то около 30 млн. — и страдала от аграрного перенаселения! А сейчас, напротив, — территорию нечем занять!

III.6. Этнические стереотипы

Однако классический расизм столкнулся с неразрешимой для себя проблемой: с точки зрения его теоретических взглядов, раса — это и биологический, и культурный тип, на деле же в любом современном этносе встречаются разные физические типы. В конечном счёте пришлось сделать вывод: этносы или расы различаются не столько по фенотипу, сколько по стереотипам поведения и ценностям.

И у Розенберга, и у Гумилёва выходит, что общество и история — результат активности особых групп, различающихся прежде всего психологически. В истории действуют не столько личности, сколько духовные субстанции. Это своего рода психологическая история: все события объясняются психологией своих «авторов», а её корни — врождёнными и наследственными, зависящими либо от случайностей «пассионарного толчка», либо восходящими к предкам полубожественного рода.

Отсюда в *«Мифе XX века»* масса однообразных и довольно неуклюжих терминов с суффиксом “-tum” («-ство»). Вот лишь неполный их перечень, в котором указаны только страницы с первым упоминанием: «Untermenschentum» — «недо-человечество» или «дух недочеловека» (Rosenberg 1934: 6), «Deutschtum» — «немецество» (: 8), «Hugenottentum» — «гугенотство» (: 11), «Judentum» — «еврейство» (: 12), «Germanentum» — «германство» (: 14), «Arbeitertum» — «рабочие» или «дух рабочих» (: 17), «Herrschartum» — «дух господ» (: 34), «Vorderasiatentum» — «переднеазиатство» (: 35), «Mänadentum» — «менадизм» (: 36), «Griechentum» — «эллинизм» (: 37), «Amazonen- und Hetärentum» — «амазонство и гетеризм» (: 39), «Vorgriechentum» — «догреческий дух» (: 42), «vorderasiatisches Mischlingstum» — «переднеазиатский дух помесей» (: 45), «Asphaltmenschentum der Weltstädte» — «дух асфальтового человека мировых городов» (: 61), «Etruskertum» — «этрусский дух» (: 61), «Römertum» — «романство» (: 77), «Heldentum» — «геройство» (: 84), «Westgotentum» (: 89), «Tschechentum» — «чехство» (: 108), «Pan-Europäertum» — «всеевропейство» (: 112), даже некое «Etrusko-Pelasgo-Syriertum» — «дух этрусков, пеласгов и сирийцев» (: 158, как сущность римско-католического духа) и т. д.

Все группы такого рода польский исследователь современного расизма Рафал Панковский, опираясь на труды целой научной школы (включающей таких видных культурных антропологов, как Стюарт Холл и Пол Гилрой), называет «воображаемыми общностями», конструируемыми искусственно. Даже расовые разли-

чия на самом деле вовсе не очевидны — их не замечала, например, античность (Pankowski 2006: 41—43): лишь в особых исторических условиях, при особом настрое люди обращают внимание на цвет кожи как на *существенный* признак, за которым, по их мнению, скрывается какой-то социальный смысл.

Именно эти «духи» воображаемых общностей, а не люди, и есть субъекты истории с точки зрения расизма. Каждый такой «дух» — вещь в себе, каждый действует под давлением одних лишь собственных импульсов, не замечая никакой окружающей действительности.

Такое «априорное знание о сути этноса» Л. Н. Гумилёв и считал целью этнологии и её отличием от этнографии. Достаточно одного лишь его определения:

«Если можно определить психологию как науку об импульсах человеческой деятельности, то *этнопсихологию* следует считать **наукой об импульсах поведения этнических целостностей, т. е. народов**» (Гумилёв 1990: 179).

У него, правда, нет всех этих «tum»-ов, зато не раз встречается «элемент» в том же смысле: «славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским» (Гумилёв 1992: 136); «В XII в. Русская земля сама превратилась в суперэтнос, где славянский элемент был ведущим, но не исключительным». Правда, российский автор не столь фанатичен и готов смягчить свой вердикт, признать возможность вариантов:

«Итак, именно стереотипы поведения у разных этносов всегда более или менее различны, но и эти различия при близких условиях жизни часто скрадываются, либо исчезают постепенно» (Гумилёв 1990: 12).

На этом основании полностью исключается, например, анализ социальных или материальных интересов: проблема — в поиске стоящего за ними этнического духа. Классиком в этом направлении можно было бы назвать М. Вебера с его влиянием «протестантской этики» на «дух капитализма», однако у Вебера эти духи — идеологического (религиозного), а не этнического происхождения. Он был национал-патриотом, державником, но не расистом, и «не смог простить своим коллегам <...> Г. Риккерт и В. Виндельбанду отклонение по расовым соображениям кандидатуры Г. Зиммеля при конкурсе на занятие в 1908 г. кафедры философии в Гейдельбергском университете» (Колчинский 2007: 88). Иное дело Розенберг, даже в коммерческом союзе видящий прежде всего этический и этнический смысл:

«То, что германское понятие о чести воплощается даже в торговце, где он мог проявлять себя сам, без восточного посредничества, показывает *Ганза*. Первоначально трезвый коммерческий союз для защиты торговли, она затем далеко протянула свои руки, не только действуя, но строя, основывая, колонизируя» (Rosenberg 1934: 197).

Такой психологизм, однако, означает, что на авансцене истории мы должны видеть борьбу не наций (в духе европейского национализма XIX в.), а *смыслов*, этническое истолкование которых и предлагают нам авторы. У Розенберга это — «борьба ценностей» (*das Ringen der Werten* — это слово “*Werte*” повторяется у него 239 раз на 702 страницы книги), у Гумилёва — борьба исповеданий. Он прямо говорит: «Исповедание — символ этногенеза» (Гумилёв 1992: 65). И в другом месте вновь:

«Этническая принадлежность в зонах контакта определяется не происхождением, а стереотипом поведения, а в то время — и исповедания» (Гумилёв 1992: 398).

Это особенно видно по заголовкам глав. У Розенберга глава о борьбе между католицизмом и арийцами названа «Любовь и честь» (Liebe und Ehre) — по высшим ценностям обеих сторон, разумеется, в его определении; у Гумилёва параграф о хазарско-хорезмских отношениях — «Искренность и выгода» (Гумилёв 1992: 139). Ср.: «Мистика и действие» (Rosenberg 1934: 217), «Воля и инстинкт» (: 323) — или: «Древние боги и новые демоны» (Гумилёв 1992: 228), «Пассионарный перегрев и совесть» (: 434).

Диагноз социального кризиса у Гумилёва — ценностный диагноз: «Полвека Литовскую землю раздирали смуты и братоубийства, что характерно для инкубационного периода этногенеза. Пассионарность растёт, не находя выхода, потому что нет новой культуры, т. е. действенной системы запретов и целей, подсказываемых новым или обновлённым мироощущением, ибо старое уже никого не вдохновляет, как любой культ без творческой догматики» (Гумилёв 1992: 397).

Различие в стереотипах поведения и ценностях — стержень всего учения О. Шпенглера о «культурной душе». Ценности у него меняются в зависимости от «возраста» культуры, по известному принципу: «время насаждать, и время вырывать посаженное <...>; время разрушать, и время строить <...>; время сберегать, и время бросать <...>; время любить, и время ненавидеть» (Екклес. 3:2—8). Более того, он сам подчёркивает, что раса для него — не биологическая, а ценностная единица:

«Основные черты мышления, жизни, мироощущения столь же различны, как черты лиц отдельных людей; в этом именно смысле и существуют “расы” и “народы”, хотя сами они знают о том не больше, чем о том, являются ли “красное” или “жёлтое” для других чем-то одинаковым или совершенно различным» (Шпенглер 1993: 343—344).

У А. Дж. Тойнби вся история цивилизаций — цепь кризисов, где пусковыми механизмами служат внешние факторы. Аналогий понятиям «культурной души», «возраста культуры» и т. п. у него нет. А значит, нет и почвы для такого взгляда на массовую психологию, какой мы находим в работах Шпенглера или Гумилёва.

У В. Н. Дёмина рассматриваемой черты нет. Напротив, изначальные («гиперборейские») стереотипы поведения и мифы — по его мнению, общие для всех народов (хотя избранный народ к ним, конечно же, ближе всех).

У евразийцев — сложнее. Много раз заявляет Н. С. Трубецкой о своём национализме, и не меньше — о том, что «истинный национализм» не нужно смешивать с «ложным», то есть с извращёнными формами. Этому вопросу он ещё в 1920 г. посвятил первые главы «*Европы и человечества*», а через год — специальную статью, включённую им позже в сборник «*К проблеме русского самосознания*» (Трубецкой 2007 а {1927}: 162—177). Три формы «ложного национализма», по его мнению, суть: а) стремление к национальной независимости европейского типа, достигаемое путём вестернизации и утраты самобытной национальной культуры; б) воинствующий великодержавный шовинизм; в) культурный консерватизм, преклоняющийся перед отжившими формами национальной культуры (там же: 171—173). Если чуть прокомментировать, в качестве примера «ложного национализма» первого рода он мог бы привести народы Центральной Европы между Германией, Османской империей и Россией, второго рода — колониальные и имперские страны, а третьего — страны Востока, особенно Китай при последних маньчжурских императорах. Все три вида заводят в тупик, так как мешают подлинному национальному самопознанию, возможному (по мысли Трубецкого) лишь при условии признания рав-

ноценности всех народов и культур. Случаев успешной и притом плодотворной вестернизации, не разрушающей национальную культуру, Трубецкой не видел: даже пример Японии в его время ещё не был достаточно убедительным. Как ни странно, в критике этих форм князь по-своему развивает многие идеи, роднящие его с В. И. Лениным. Так, он тоже считает, что национализм угнетённой нации «является вполне основательным, логически и морально оправданным», но и в этом случае ограничен и ущербен (там же: 172; ср.: Ленин, «Критические заметки по национальному вопросу»).

Столь же резко, как на «ложный национализм», нападает Трубецкой на космополитизм и интернационализм, которых не различает. Очень глубоко его рассуждение, что космополитизм европейского толка отличается от шовинизма лишь масштабами. Там, где шовинист превыше всех ставит собственную нацию (тоже ведь всегда состоящую из многих диалектных групп и физических типов, тоже включившую в себя потомков многих древних племён, не всегда даже родственных), — там космополит ратует за единую, наднациональную культуру, но притом непременно «высшую», то есть — европейскую. Получается тот же шовинизм, только не узконациональный, а общеевропейский — по отношению ко всем остальным народам (Трубецкой 2007 {1920}: 84—88).

Однако абсолютный (совершенно «безродный», как называла его сталинская пропаганда) космополитизм невозможен по определению. Кто бы ни выдвинул эту идею, этот вывод он делает из опыта *собственной* культуры. Первым, кто назвал себя космополитом (гражданином мира), был Диоген Синопский (Diog.Laërt. VI,63), — но и в его устах это была греческая идея, так же как в устах русских западников — русская. Как ни пытайся, не получается полный «безнационал»! А интернационализм вовсе не означает повальной нивелировки. Смысл его в том, что каждый народ остаётся самим собой, но при этом все народы сотрудничают между собой поверх различий. Но ведь такая картина мало чем отличается от идеала Н. С. Трубецкого.

Однако среди основ национальной культуры князь постоянно указывает на наследственность, причём в биологическом смысле, как явствует из текста. Правда, не будучи биологом, он не ссылается на генетику, довольствуясь понятием «крови». Так, антропологическое (физическое) смешение определяет, способен ли народ принять европейскую культуру (Трубецкой 2007 {1920}: 127—128 и далее). Шестой вывод, венчающий «*Европу и человечество*», гласит, «что полное, органическое усвоение романогерманской культуры (как и всякой чужой культуры вообще), усвоение, дающее возможность и дальше творить в духе той же культуры нога в ногу с народами, создавшими её, — возможно лишь при антропологическом смешении с романогерманцами, даже лишь при антропологическом поглощении данного народа романогерманцами» (там же: 146). А это сразу же открывает для продолжателей возможность толковать учение основоположника в духе «ложного национализма». Позже мы увидим, что эта возможность полностью осуществилась.

Вообще евразийцы, от Трубецкого до Гумилёва и Дугина, в этом отношении попали в порочный круг. Они стремятся создать некий «истинный национализм», основанный на «превосходстве образа жизни» кочевников, на идее «симбиоза» культур. А результатом их усилий везде оказывается самый обычный национализм европейского образца. Когда русские и башкирские историки-патриоты спорят о том,

чьи предки строили Аркаим, те и другие тянут гумилёвское одеяло в свою сторону, не вспоминая об идеях симбиоза. Но не к этому же стремились евразийцы в лице своих лучших представителей!

В «Ура Линде» культурализм настолько силён, что заменяет собой даже расизм. Так, ценности матриархата приписываются «детям Фрейи», патриархата — «людям Финды». Любопытно, что Г. Вирт пытался-таки дополнить культурализм расизмом, но не нашёл убедительных аргументов. Так, он пытается сослаться на фенотипические признаки: «По поводу ещё сегодня заметного расслоения между норвежским населением, относящимся к обеим расам, см.: Рисунок 233. Норвежский крестьянин, относящийся к типу “Финды”. Рисунок 234. Норвежский крестьянин, по крови принадлежащий Фрейе (по Ханзену)» (Вирт 2007: 351). Однако лица на указанных снимках (: 601 сверху) можно принять за фотографии одного и того же человека в разном возрасте. Авторы «летописи» явно были последовательнее своего немецкого преемника.

Тем не менее культурализм легко переходит в расизм. Достаточно указать на текст «основного закона фризов» — Совет Фрейи, 6: «Также, когда между вами найдётся некто, продающий свою свободу, помните: он не из вашего народа. Это хорнинг, сын потаскушки» (: 102). В голландском тексте — «hij is een bastaard met verbasterd bloed» (OLB 1872: 23), в рукописи — «hi is en horning mith basterdbloed» (стр. 14). Здесь практически описан тот механизм, который Р. Панковский постоянно называет «расификацией» (ugasowienie): группа, чем-либо отличающаяся от большинства населения, начинает *рассматриваться* как расовая (отличная и по происхождению), причём сама может принять такой взгляд на себя в качестве самооценки.

III.7. Психологизм на популяционном уровне

Поскольку человек оказывается производным от этноса, а тот — от биосферы в целом, то не люди, а этносы — действующие лица исторической драмы. Точнее, вся история превращается в психологический роман, развёртывающийся между этническими душами. Отдельная же личность — лишь более или менее яркое воплощение своего типа, своей культурной (у наших авторов — расовой или этнической) души. Именно это Гумилёв и называл этнопсихологией.⁵⁷ Так, каждый этногенез делится у него на фазы, каждая со своим «поведенческим императивом» (см. сводную таблицу — Гумилёв 1990: 239; 1997: 585).

Так, и А. Розенберг, и Л. Н. Гумилёв специально обращаются к одному из эпизодов французской истории: роли гугенотов и последствиям их изгнания, — хотя у них на то разные причины. Как известно, гугеноты (французские кальвинисты) были самой активной частью современного им общества (XVI—XVII вв.). Их изгнание способствовало идеологической консолидации Франции, но в то же время — укреплению Старого режима и торможению экономического развития страны. Зато приток гугенотов в страны изгнания — людей активных, предприимчивых, воодушевлённых верой в личную избранность и личный успех, притом лишённых патриотизма к той родине, которая их изгнала, и готовых служить любому монарху,

⁵⁷ В наши дни этнопсихологией называют науку, изучающую особенности психологического склада у отдельных представителей различных этносов. Это та самая характеристика, о которой мы говорили в III.3. Здесь же перед нами совсем другое: представление, что *целые этносы* действуют, словно личности со своей собственной психологией.